

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

(1918—1938)

Татьяна Тимофеева

1917 год подрубил многие старые культурные традиции. Совершенно иными стали музейное дело, краеведение, отношение к древностям. Художественные ценности оказались «национализированы». Произошло отчуждение от народа его корней. Музей превратился в институт государственного учета, инспекции и охраны. Государство отреклось от прошлого, от освященной веками традиции, сломало весь прежний менталитет. Особенно остро это сказывалось в отношении к церковной культуре: новое государство не нуждалось в ее духовенстве. Дух был изгнан, на место его поставлен «памятник». Многочисленные церкви Владимирского края, составляющие историческую или художественную ценность и подходящие под категорию «памятника», стали подведомственны государству через его инструмент — вновь создаваемые музейные органы и музеи.

В числе первых перешли в ведение музея Дмитриевский собор, церковь Покрова на Нерли и палаты князя Андрея в Боголюбове, Борисоглебская церковь в Кидекше. Владимирский музейный подотдел должен был беспокоиться и об их ремонте и реставрации, то есть делать то, что делала прежде каждая община. Акты же фиксации состояния памятников, музейные отчеты, переписка рисуют картины запустения и разорения «памятников архитектуры» — некогда ухоженных и поддерживаемых зданий. Так, 8 июля 1920 года губернский подотдел искусств послал в отдел по делам музеев Наркомпроса очередную просьбу об отпуске средств, в которой говорилось: «Древний Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском стоит с провалившейся в некоторых местах кровлей и побитыми стеклами... от непогод и сырости портятся деревянные знаменитые барельефы

собора. Древний Покровский собор в Александрове дал трещину... Старинная церковь в с. Кидекше (XII в.) Суздальского уезда во многих местах обвалилась. На знаменитой своей архитектурой и древностью церкви Покрова на Нерли близ Боголюбова (XII в.) крыша в некоторых местах испортилась. Древний Дмитриевский собор в г. Владимире дал в одном из сводов трещину. Старинные дома Сапожникова в г. Гороховце могут разрушаться ввиду их беспризорности... Между тем... в настоящем году на губернский подотдел до сих пор не отпущено ни единой копейки. Остался один выход — прекратить всякую творческую и организаторскую работу и ограничиться канцелярской перепиской».

Ситуация очень мало менялась и в последующие десятилетия. Признание здания как памятника не обеспечивало ему иммунитета. Все, что напоминало о религии, ее вещественные и не вещественные символы — все это подлежало уничтожению. В 1930 году из восьми тысяч памятников шесть тысяч (из них 70% — церковной архитектуры) были сняты с учета. К 1930 году во Владимире не стало Рождественского собора одноименного монастыря, Сергиевской, Мироносицкой, Ильинской, Николо-Златоврацкой, Борисоглебской церквей, в 1933 году — Богословской. Уничтожение угрожало и многим другим «памятникам» — Богородицкой церкви, Георгиевскому и Спасскому храмам, придельной церкви Успенского собора XII века. А судьба бесчисленных сельских церквей — как признанных «памятников», так и не признанных? Да и сами критерии «памятника» была весьма расплывчаты и изменчивы.

В 1920 году заведующий Владимирским губмузеем А. И. Иванов писал: «До настоящего времени со стороны местных исполкомов не заявлялось претензии на

Г. Владимир. Собор кафедральный и часовня Св. Владимира

использование древних церковных зданий, взятых подотделом под свою охрану, для общих целей, так как эти здания едва ли пригодны для каких-либо надобностей. Если бы таковые претензии были заявлены, то подотдел настаивал бы на неприкосновенности...» Но очень скоро эти опасения стали сбываться. В ноябре того же, 1920 года комиссия по оказанию помощи больным и раненым красноармейцам решила занять Богородицкую церковь или ее подвал с духовым отоплением под склад картофеля. Община пыталась защитить храм, пользуясь новейшей в то время аргументацией: «Представляет собой памятник древности... и занятие его каким-либо учреждением не для цели его прямого назначения... недопустимо».

В конце 1920-х годов во Владимире составляются списки помещений под склады зерна, соли, льна. В этих списках можно найти и Дмитриевский собор XII века, и собор Княгинина монастыря XVI века. (Последний действительно был зернохранилищем, что погубило нижний ярус его замечательных фресковых росписей. Складом льна был и Георгиевский придел Успенского собора XII века, затем Георгиевская церковь, хотя это и спасло ее от сноса.) Памятники Боголюбова монастыря тоже использовались «рационально» — под продовольственные склады, приемник для беспризорников, а западную па-

перть древних белокаменных палат князя Андрея занимал телятник местного колхоза и кубовая с кипятильником, водосливной трубой и дымоходом.

В процессе тотального уничтожения церковной культуры, превращения художественного металла в золотой лом музей должен был выловить и сберечь то немного, что было позволено. Музейные работники неизменно участвовали во всех комиссиях по изъятию церковных ценностей — Помгол, Последгол, по ликвидации монастырей. Именно благодаря им сохранилось в музеях, а не ушли за рубеж и не превратились в золотые и серебряные слитки те раритеты, которые сегодня стали яблоком раздора или картой в политических играх. Вот строки из доклада в Суздальскую уездную комиссию по изъятию ценностей (1922): «В монастырях масса предметов золотых и серебряных взяты на учет Главмузеем». Но это был только ручеек. А мощная река текла мимо музейных коллекций — в государственные финорганы. Так, 19 мая 1922 года из Суздаля во Владимирский губФО поступило 2 ящика и 7 сундуков с драгоценностями весом 90 пудов 32 фунта. За время комиссии Помгол (с 29 марта по 15 июля 1922 года) из Суздальского уезда вывезен был 91 пуд 11 фунтов серебра, 12 фунтов жемчуга, 10 фунтов парчовой ткани, а также золото и драгоценные камни.

Многое, очень многое не попадало в категорию «памятника». Но даже то, что хранилось в музее, не было под защитой закона. Так, с 1 октября 1929 года по 1 октября 1930 года Владимирский музей вынужден был сдать в госфонд из своего фонда «золота и серебра 102, 386 кг. Меди и железа — 83,971 кг». 12 марта 1930 года экспозиции музея были осмотрены с целью передачи вещей на экспорт. В 1929–1930-х годах 25 тысяч книг из музейной библиотеки было взято в научно-справочную библиотеку «по согласованию с окрисполкомом» (где теперь эти 25 тысяч книг?), после чего в музее осталось всего 5 тысяч томов. В эти годы сделано было все, чтобы дискредитировать само понятие «памятник». А с наступлением на церковь, с организацией в музеях антирелигиозных отделов древние православные соборы стали уже и не «памятниками», но «объектами антирелигиозной пропаганды».

То уродливое состояние общественно-го (и личного) сознания, которое так недавно начало меняться, еще цепко сковывает нас. Не отсюда ли порой та отчужденность, которая возникла сейчас

между музеями и церковными организациями? И опять в проигрыше оказывается народ — верующие и неверующие, «интеллигенция» и «простые» люди, настоящее и будущее. Все станут еще беднее от разрушения и утраты тех памятников, которые попадут в непрофессиональные и еще более бедные руки, чем прежде. Маятник качнулся и неудержимо пошел в обратную сторону, опять сокрушая все на своем пути. Раздающийся в столицах и провинциях хор голосов «все вернуть церкви» — даже то, что пока не может быть освоено, зачастую не имеет сколько-нибудь продуманного плана предоставления другого равноценного помещения музею, реставраторам или иному нужному людям учреждению. Или уж музеи сегодня никому не нужны? Вряд ли это так. Не стоило бы сейчас сталкивать интересы церкви и музея, а гораздо лучше будет дать каждому своими средствами работать ради спасения многострадальной русской души. И какое счастье, что есть еще у нас «музейные ценности» — здания, иконы, книги, одежда, утварь, которые можно назвать «памятниками прошлого».

ВЛАДИМИРЬ ГУБ. Рождественский монастырь

